

СТЕПНЯКИ

(ОЧЕРК)

Километрах в десяти за селом Дивным виднеется довольно большой водоем, нежно голубеющий среди блеклой полынной степи. Приближаемся, — никакой воды нет и это ошеломляет, — ведь вот только что была вода! Куда она делась? Будто злой волшебник перед самым нашим носом, осторожно подкравшись, выпил все озеро. Осталась пустая огромная впадина с чуть-чуть влажным дном. Кристаллики соли поблескивают на промытых, лишенных растительности склонах. Это свечение при взгляде издали и создает иллюзию воды. И оттого, что степь сразу же обманула, начинаешь невольно облизывать губы, обдаваемые горячим восточным ветром.

Переезжаем одну из Манычских впадин. Вода здесь бывает весной после снежных зим. Летом дорога проходит по дну впадины, минуя мост, переброшенный от берега к берегу на высоких сваях. Постоянная, вечная, неиссякающая вода будет здесь, когда Невинномысский канал наполнит бесчисленные русла древних мертвых рек. Здесь, вблизи Дивного, планируется даже пристань для судов, которые придут сюда с Дона.

Кубанская вода уже идет по старым рекам, но путь ее так огромен, так извилист, манычские впадины представляют такую емкость, что... надо заново подкрепить себя выкладками о мощности кубанской струи, чтобы реальная, живая, холодная вода не показалась миражем в этих местах.

Часа полтора машина идет хорошим ходом и ни единой встречи, ни деревеньки, ни хутора, ни полоски посева, ни деревца. Блеклые усыхающие травы да серые жаворонки, взлетающие из-под самого радиатора. А вдаль возникают и исчезают голубые, озера, в которые уже никак нельзя верить, какими бы всамделишными они не казались.

Домик станционного типа вблизи дороги, — перевалочная база животноводческого совхоза № 107, куда мы направляемся.

— Дорога на совхоз пойдет прямо-прямо и немножко влево, — показывает нам хозяйка домика. — Тут не очень далеко, — километров шестьдесят до центральной усадьбы.

И снова однообразная равнина с широкими пятнами солончаков. Соль все яснее и настойчивее проглядывает из почвы, возникая полосками утреннего инея. А вот и настоящий зимний пейзаж: на многие километры протянулись озера, покрытые ослепительно белыми сугробами. Лишь в самой середине впадин виднеются полыньи тяжелой свинцово-серой рапы, неподвижной как лед. По сугробам видны следы салазок, человеческие и конные следы, — неторные тропы и дорожки, проложенные добытчиками соли. Плотный соляной наст похрустывает под ногами.

Здесь можно снимать без всяких дополнительных декораций любой фильм на самую холодную зимнюю тему — при сорокаградусной августовской жаре.

Дорог вблизи этих Манычских впадин много, но все они слабо накатаны и нет ни одной, которая бы шла «немножко влево». В течение часа едем немножко вправо и не у кого спросить — сильно ли мы заблудились, или не очень сильно. Шофер ворчит:

— Чорт ее знает, может, мы на Астрахань едем, а может, и на Сталинград...

Растительность явно улучшается, полынь уже вытеснена довольно плотным покровом житняка, пырея, ковыля, еще сохранивших зеленоватую окраску. Тут, видно, были дожди и степь жива, суслики перебегают дорогу, посвистывают, — стало быть, в стеблях трав еще имеется влага. Ближе к Манычам эти свистуны уже умолкли, залегли на зимовку — сушь загнала их в норы раньше времени.

...Наконец-то деревенька, спрятавшаяся в неглубокой балке так, что домов не видать, маячат лишь деревянные журавли над колодцами. Журавлей много, значит, много колодцев, много воды. Сделаем привал под тенью какой-нибудь старой вербы.

И опять обман — ни деревни, ни вербы, никаких признаков жизни. Десятки колодезных журавлей, чуть согнув свои длинные шеи, будто переговариваются друг с другом: для чего, братцы, мы здесь стоим? В колодцах ни капли воды. Площадки вокруг них вытоптаны, изрыты скотом —

видно, стада бунтовали, рыли землю копытами, требуя от пастухов воды. Ее нет. Но журавли не сломаны, значит, когда-нибудь тут будет вода. И не у кого спросить, когда она была и когда будет.

На спуске к колодцам появляется табунок сайгаков в полтора десятка голов. Рогатый вожак настороженно смотрит вниз: люди у колодцев, может быть, они добудут воду, а потом уйдут и после них можно будет поживиться драгоценными каплями влаги?

Антилопы раздувают свои пустые кожаные сумки над ноздрями, втягивают воздух, — нет, не пахнет водой. Табунок устремляется в сторону соленых озер.

Новые десятки километров и — глаза радостно останавливаются на пшеничном поле в несколько сотен гектаров. Настоящее культурное поле, убранное комбайном. Теперь уж мы твердо знаем, что где-то неподалеку живут люди. На пути мелькают стога сена, оно лежит и в копнах, и в валках, и в рядах, только что скошенное, жесткое, перезревшее, пересохшее. Сенокос здесь ведется с середины мая до снегопадов и это первый признак, что животноводство здесь выпасное, что зимний период — всего лишь период суровой передержки скота до новых выпасов.

Парнишка везет бочку воды на быках. Ага, вот она вода! Пресная, холодная, вкусная. Но что за быки у парнишки. Стоит исколесить сотню километров по степи, чтобы увидеть такую пару быков. Они раскормлены до маловероятного состояния — точно бурдюки, наполненные жиром. Гладкие спины с желобками, на бедрах жировые «галифе», плечи и шеи распирает жир. Животные кажутся настолько изнеженными и выхолненными, что ярмо и бочка на скрипучих колесах им совсем не к лицу.

— Чем ты кормишь их, парень?

— Ничем. Они сами... А воды сладкой получают досыта, за каждым рейсом пьют, им лафа. Дорогу пересекает коровье стадо. Рыжие белобокие коровы чертовски жирны. Около них телята отела нынешнего года, ростом покрупнее горского быка. Гуртоправ жалуется: — Морим скот. Хоть разбейся — воды нехватает, а оно же пить хочет, оно же мучается, сохнет.

Тщательно обзореваем стадо, чтобы отыскать хоть одно животное, которое «сохнет». Стадо выглядит так, что хоть сейчас посылай на выставку для завоевания первенства по упитанности.

Пока гуртоправ сетует на безводье, телята принимаются сосать. Делают они это лениво, не торопясь, будто с единственной целью, чтобы похвастаться — смотрите, мол, как вольготно нам здесь живется.

Коровы здешних совхозных гуртов не знают дойки, все молоко находится в полном и безраздельном распоряжении телят. Недаром эти забалованные толстяки в хороших гуртах достигают к восьмимесячному возрасту двенадцатипудового веса. В этом одна из особенностей скоростного выращивания скота Астраханской породы и его исключительно высоких мясных качеств.

* * *

На террасе конторского дома центральной усадьбы совхоза № 107, в холодочке, собрались гуртоправы, покуривают, беседуют вполголоса.

— Ну и год!

— Да уж годок выдался, чтоб ему пусто было.

— Печет и печет. И хоть бы тебе одну тучку откуда нагнало. Нет, как нет.

— На Манычах одна голая соль.

— Пруды будто корова языком слизнула.

— Хоть насквозь продолби землю. Роешь ты ее, роешь до десятого пота и — глядь — радость какая: на восьмом метре вода. Неделю попользовался, ан и сухо, спряталась вода еще метра, на два. Хочешь рой, хочешь волком вой.

— Оно бы и рыл. Почему не рыть? Да ведь без сруба-то задавит.

— Еще как задавит. И «караул» не успеешь крикнуть.

— И вот тебе ищи другую низинку, рой новый колодец.

— А она, скотина, стоит над душой: давай воды!

— Давай, иначе привес прахом пойдет.

— Ты поскольку же даешь воды?

— По ведерку на голубу в сутки, да и ведерко-то не полное. Пей, гуляй, набирай привес.

— У меня и того хуже...

Послушать гуртоправов, — может показаться, что совхоз № 107 накануне катастрофы, что скот в его гурта у вот-вот задохнется от жажды. А гурты идут по пастбищам один другого краше, один

другого тучнее. Скот Астраханской породы неприхотлив и вынослив необычайно. Но дело не только в его выносливости. Дело в исключительном трудолюбии вот этих людей, мирно беседующих в холодочке. Они работают именно до десятого пота, добывая ручным способом воду из глубоких слоев земли. Они говорят о крайне скудном водяном рационе. На деле гурты получают воды больше, чем об этом известно по официальным сведениям. Скрытая надбавка идет за счет неутомимого героического труда гуртоправщиков. Они роют новые колодцы, чистят и углубляют старые, возят воду бочками на дальние расстояния, высчитывая, как выгоднее поступить: прогнать гурт за десяток лишних километров и дать побольше воды, или недопоить, но не утомлять гурта перегонами по жаркой степи? Каждый грамм суточного прироста мяса здесь на строжайшем счету, он требует труда и труда.

Знойный ветерок струится вокруг террасы, шевелит пыльные листья крушины в палисадничке. Гуртоправы покуривают.

— Жарынь.

— А мы сидим, отдыхаем, как все одно курортники.

— Курортники что? Курортники простые люди. А вы теперь — Герои!

— Вот ведь оказия. А может, это так... Может, радист подшутил?

— Какие шутки? Во все громкоговорители так и сказано: Указ правительства, — присвоить звание Героя Социалистического Труда Реусу, Долоту и Ковалеву по совхозу номер сто семь. На митинге все будет подробно сказано.

Реус, Долот и Ковалев сидят в группе собеседников, застенчиво переглядываясь и обтирая потные лбы.

— Оказия. Просто ну ни оттуда, ни отсюда. Живут себе мужики степные, за скотишком приглядывают. Допустим, ладно приглядывают, работающие мужики. Так оно же само дело требует. Ан вдруг получается геройство...

Геройство получается не вдруг. Имена Николая Реуса и его друзей давно известны на Ставрополье, в Москве и во многих краях нашей страны. «Метод Реуса» не раз обсуждался на широких совещаниях животноводов, в кругах специалистов и на страницах печати.

На стендах Всесоюзной сельскохозяйственной выставки демонстрировались показатели работы знатного гуртоправа Реуса. Добрая слава давно сопутствует ему.

— Припомни-ка, Николай Иосифович, как соревновался с англичанами!

— С англичанами? Нет, я с ними не имел дела. Они меня не знают и я их не знаю. А кое-какие достижения у нашего совхоза получились будто бы повыше английских и прочих заграничных. Так это ж потому, что у них там, в Англии, ни совхозов, ни колхозов нет. Где ж им тягаться с нами?..

Незадолго до Отечественной войны Союзный таркомат пищевой промышленности проводил конкурс по качеству мяса. Победителем вышел животноводческий совхоз № 107. Он представил сорок быков Астраханской породы из гурта Николая Реуса. Эксперты установили, что огромные реусовские быки имеют нежнейшее телячье мясо, прослоенное, как по заказу, жировыми пластами, — мраморное мясо, безусловно, превосходящее по качеству знаменитый английский «бэби-биф». «Бэби-биф» — молодое мясо — выращивалось на специальных откормочных фермах и на выпасах, засеваемых культурными травами. В этих условиях крупнейшие землевладельцы и скотоводы Англии растили гурты давно выведенной популярной мясной породы Герефорд.

Николай Реус дал превосходнейший «бэби-биф», вырастив его на диких выпасах, на солончатой воде. Да и скот Астраханской породы до этого конкурса не был известен столь высокими мясными качествами. Реус как бы заново открыл породу, показав ее исключительные возможности. Тогда по всем совхозам страны пошла слава о ставропольце Николае Реусе. Представители научного животноводческого института приехали в совхоз № 107 изучать метод работы Реуса со скотом Астраханской породы.

Воду, которой поил Реус свой скот, они забраковали. Реус поблагодарил, обещал добыть «сладкую» воду.

Помещения для скота оказались примитивными. Реус пообещал сделать лучшие и сделал.

Обследователи застали гурт Реуса пасущимся по самой кромке соленого озера. Скот охотно поедал маньчскую капусту-солянку, растение сочное, жирное, но настолько соленое, что оно считалось совершенно непригодным на корм скоту.

— Да, — подтвердил Реус. — Летом и осенью эту капусту никто не ест. Но как только ударят заморозки, соль сдает, отжимается к корням и капуста становится не хуже любого летнего корма. Я ее и приберегаю до первых заморозков.

И гуртоправ рассказал, каков у него порядок стравливания кормов, как, начиная с весны, из месяца в месяц, меняется картина травостоя.

— Весной влаги много и трава везде хорошая, но мы держим гурт только на буграх и на возвышенностях, тут самые ранние, скороспелые травы — четвергин, золотурган, хорошие травы и засуху переносят хорошо, но по вкусу и по питательности они лучше всего весной. Потом переходим ца равнины. Тут полное раздолье — типчак, житняк, пырей, волошок, местами донник. Начинается самый высокий нагул скота. А падины и балочки мы бережем про запас. В них зелень держится долго, скот бросается к ним, а мы не пускаем, не даем трогать низинки. В случае сильной засухи это наш страховой фонд. К концу осени, к заморозкам скот становится уже не такой балованный. Тут ему и капуста всласть, поэтому мы и переходим к берегам соленых озер...

Вся эта премудрость известна любому мало-мальски опытному гуртовщику. Все они на просторных землях совхоза работают в одинаковых условиях. Результаты их работы проверяются ежемесячно в один и тот же день, 24 числа все поголовье скота пропускается через весы. Присутствуют при взвешивании: гуртовщик, управляющий фермой, зоотехник и ветеринар. И всякий раз при взвешивании оказывается, что первое место по приросту, по состоянию здоровья, по чистоте кожи занимает гурт Николая Реуса.

В первые годы работы Реуса гуртовщики отдаленных ферм совхоза говорили о нем:

— Не иначе слово какое-то заговорное знает...

* * *

Николай Иосифович Реус пришел на работу в совхоз давно — девятнадцать лет тому назад. Пришел с большой семьей. Он принял гурт; помощниками его стали отец, жена и дети. Семья образовала гуртовую бригаду. Обязанность бригады — пасти скот весной, летом и осенью. Забота же о кормах на зиму входит в обязанности специальных кормозаготовительных бригад.

Гуртовщик Реус посмотрел, как работают эти кормозаготовительные бригады — работают не торопясь, упускают лучшие сроки. Самое драгоценное сено дают майские укусы, когда травы в цвету и на отцвете.

Не дожидаясь приезжих косарей, Реус организовал сенокосную бригаду из членов своей семьи. Семья заботливо обслуживала гурт и косила сено, т. е. работала за две бригады, вызывая изумление других бригад и самой администрации совхоза.

- Эти Реусы какие-то двужильные, — говорили о них.

- Нет, — степенно возражал Реус, — мы себя работой не очень нудим, работаем в меру. Но не можем мы дожидаться когда кто-то приедет и позаботится о нашем гурте. Мы уж лучше сами позаботимся. Не без того, что иной раз маленько недоспим, ночи прихватим на работе, степное дело сезонное. Зато кормишко мы готовим для своего скота какой хотим, какой нужно.

Семья сама заготовила отличный корм для гурта на всю зиму и даже с избытком, заложила «страховой фонд» на всякий случай.

С тех пор так и повелось из года в год: бригада Реуса работает за две бригады, взяв на себя полную ответственность за содержание скота в течение всего года. Эта двойная работа гуртовщиков и получила в совхозе наименование «метода Реуса». Ныне он применяется многими гуртовыми бригадами животноводческих совхозов на Ставрополье и в ряде других краев и областей страны.

При широком внедрении «метода Реуса» совхозы могли бы, если не вдвое, то по крайней мере, на одну треть сократить кадровый состав рабочей силы, обслуживающей животноводческие фермы.

Семья бригады Реуса не только заботится о кормах. Если иссяк колодец, Реусы сами вычистят его, сами выроют новый колодец. Требуется расширить помещение для скота, Реусы сами сделают это. Изломалась телега, разохлась бочка, износилась сбруя, Реусы сами все починят, все отремонтируют. Эта универсальная бригада успевает к зиме заготовить топливо не только для себя, но и для отделения совхоза и для центральной усадьбы.

В напряженный период отела семья Реуса почти круглосуточно на ногах. Под их наблюдением 120—140 коров. Они точно знают день, когда отелится та или иная корова и успевают следить за индивидуальным развитием каждого теленка — один нуждается в четырехкратном питании, другому нельзя позволять насыщаться молоком больше трех раз в день.

От первых дней и ночей ухода за телятником зависит очень многое, — килограммы и пуды дальнейшего прироста. Николай Реус ведет книгу, по которой высчитывается отел. Старик Иосиф Гаврилович все помнит по памяти. Николай обладает большими зоотехническими и ветеринарными знаниями, полученными в результате не только длительной практики, но и повседневного общения со специалистами.

Старик Иосиф отдает делу необозримо громадный жизненный опыт.

Все члены семьи имеют совершенно четкое представление о болезнях животных. Но гурт из года в год остается абсолютно здоровым. О падеже хотя бы одного телятника на 120—130 голов не может быть и речи.

В степи множество клещей, которые могут оказаться носителями пироплазмоза. В гурте Реуса, начиная с мая, каждое животное раз в пятидневку самым тщательным образом обследуется и обтирается специальной мышьяковой мазью. Это помимо пяти видов прививок, которые делаются специалистами в предупреждение заболеваний.

Иногда Реус кажется жестоким по отношению к своему гурту. Весна, ясные, теплые дни, степь покрывается сочной травой. Все гурты на пастбищах. Реус не выпускает телят своего гурта в степь. Они ревут, бунтуют на базу. Гуртовщик неумолим. Зоотехники спрашивают: в чем дело, почему ты, Николай Иосифович, держишь телят в неволе, на сухом сене?

Реус сощуривает глаз, поглядывая в даль.

— А вот по степи идет воспарение, видите? Значит, земля еще не прогрелась. Пусти его, ушастого, он набегается и тут же ляжет спать на холодную землю, вот вам и верное воспаление легких. Уж лучше я их подержу под арестом еще недельку-другую...

Год за годом Реус дает наивысшие показатели по откорму и приросту скота.

За время работы в совхозе он вырастил около двух тысяч голов крупного рогатого скота. Не меньше одной трети всего сданного мяса он вырастил сверх плана. Иначе говоря, около шестисот голов крупного рогатого скота семья Реуса дала государству «от себя», как результат исключительного трудолюбия, заботливости, доподлинно социалистического отношения к труду.

Семья Реуса разрослась в большую производственную и общественную силу совхоза.

Дома, во главе семьи, стоит 82-летний дедушка Иосиф Гаврилович, мастер на все руки, неутомимый работник. На производстве над семьей главенствует старшая дочь Николая, внучка Иосифа Раиса (по паспорту Устинья), управляющая животноводческой фермой № 6, награжденная орденом Ленина, бывшая комбайнерка совхоза, депутат сельсовета. Ей подчинен отец Николай Иосифович Реус, Герой Социалистического Труда, член пленума Крайкома профсоюза совхозов Юга. Ей же подчинена на производстве мать Мария Андреевна, награжденная высоким званием «Мать Героиня», депутат райсовета. Затем идут дети: Иван — кузнец фермы, Анастасия — помощник гуртоправа. Пелагея — конюх фермы, Александра — техник по искусственному осеменению скота, Татьяна — мерщик, помощник агронома.

Спрашивают Реуса гуртоправщики-соседи:

— Ну, как, Николай Иосифович, не обидно, что подчиняешься своей собственной дочке?

— Ничего. Приглядываюсь я к ней, — толковая начальница. Прикидываю себя, — а что если бы меня назначили управляющим отделения? Нет, не потянул бы я, не сработал бы, как Раиса, — у нее размах покрупнее моего и развитие совсем другое. Сильно она выросла за войну.

Вся семья внимательно следит за деятельностью Раисы и в любую минуту мощный отряд Реусов готов броситься ей на помощь. В этом году уборка хлеба в совхозе № 107 стала выбиваться из графика.

Дед Иосиф объявил в семье:

— У Раисы на полеводстве трудно, как бы хлебине осыпался, надо подмогнуть. — И три члена семьи немедленно выехали на пшеницу. Нашлась исправная косилка, нашлась сброя. В короткий срок Реусы скошили и скопили 71 гектар пшеницы. И это не в ущерб гурту, не в ущерб сенокосу. План сенокосения Реусы по обыкновению перевыполнили да прошлогоднего майского сена приберегли 21 стог «на всякий случай». Вмешиваясь в полеводство, бригада выполняет, так сказать, третью производственную нагрузку.

Семья напрягается в труде не щадя сил. Делается ли это ради производственной чести Раисы, ради дополнительного заработка семьи или, главным образом, в интересах совхоза, в интересах государства, — Реусы не раздумывают над этим.

— Подошло дело, срочное, горячее, — как же его не делать?..

В дни Отечественной войны беда надвинулась на совхоз № 107 — фронт приближался к землям совхоза. Раиса Реус — председатель поселкового совета совхоза получила задание вывести колонну тракторов. Николай Реус пошел со своим гуртом. Старик Иосиф Гаврилович с младшими членами семьи остался, чтобы приглядеть за домом.

Гуртовщик Николай Реус пользовался на широких степях славой образцового животновода. И в трудное время администрация совхоза указывала на Реуса.

— Организуйте эвакуацию скота, как ее организует Реус.

Но Реус со своим гуртом в пути заметно отстал от других гуртов. Августовская жара была изнуряющей. По степи лежал подбившийся больной и раненый скот, брошенный ростовскими и сальскими и другими гуртовщиками. Реус подбирал больных и раненых животных — перевязывал, лечил и включал в свой гурт.

— Нельзя же оставлять врагу народное богатство.

Немецкие летчики бомбили и обстреливали гурты. Реус при каждом налете рассредоточивал гурт, чтобы иметь меньше потерь. И гурт не уменьшался, а рос.

На подступах к Волге и на переправе бомбежка и обстрел стали настолько ожесточенными, что люди бросали все и бежали куда глаза глядят. Бригада Реуса осталась непоколебимой. Под огнем неприятеля она погрузила свой гурт на баржи и переправила на левый берег Волги. Потом Реус вернулся в степь правобережья, отыскал свой отставший обоз, привел к Волге и переправил его. Вражеские налеты продолжались, а гурт шел на Восток и не уменьшался, он продолжал расти, подбирая и впитывая больных и раненых животных, попадавших на пути...

Были пройдены огромные расстояния и когда специальная комиссия в глубине казахстанских степей проверила численность и состояние реусовского гурта, то оказалось: из Ставрополя Реус угонял 220 голов крупного рогатого скота, теперь же у него 320 голов.

Зимовали в глухой незнакомой степи под хутором с выразительным названием Порт-Артур.. На смену пятидесяти градусным жарам пришли пятидесятиградусные морозы и вьюги. На голой степи Реус построил из бурьяна высокостенные базы, каких местные жители никогда не видали. Специалисты, наблюдавшие за эвакуированным скотом, заметили странный, необычный режим, установленный Реусом в его огромном гурте: заботливый гуртоправ не давал скоту ни одной капли воды. На него набросились с гневными обвинениями.

— Судить будем, ты целую неделю не поишь скота!

— Нет, не неделю, — уточнил Реус, — я уже целый месяц не поил гурта и еще месяц, а может, и больше не буду поить его. И другим не советую. А судить будем потом, когда перезимует.

В соседних эвакуированных гуртах ежедневно по утрам обнаруживалось много павших, замерзших животных. Гурт Реуса перенес лютую зиму без малейших потерь. Озадаченные специалисты приступили к удивительному гуртовщику.

— Объясни! в чем суть этого колдовства? Твой скот семьдесят дней прожил без воды и остался вполне здоровым. Это же просто ни на что не похоже. Во всей мировой литературе по животноводству нет никаких указаний на подобные случаи.

— А вот вы и запишите в мировую литературу, — оживленно настаивал Реус, — обязательно запишите, что во время сильных морозов, непривычных для скота, воды ему совсем не нужно давать. Очень небольшое количество воды скот получает, когда он в здешних некультурных условиях поедает корм и при этом слизывает немножко снега. Этого достаточно. Скот без воды теряет в весе, но зато не дрожит, не зябнет, не простуживается и может выдержать любую вьюгу...

Беседуем на эту тему с Реусом.

— Откуда вы все-таки знали, Николай Иосифович, что скот может зимовать без воды?

Он смеется.

— А вот, научился! Был такой случай на Черных Землях, — выпали там снега, ударили морозы. А при некоторых гуртах дежурили ребята. Ну, сидят они в землянке да в карты режутся. Гнать скот на водопой далеко, они и не гонят его, целую неделю не дают воды. А скот терпит и не очень страдает, не болеет. После шурмана оказалось, что непоенный скот здоровее, крепче поенного. Сам я не был на Черных Землях, а узнал про этот факт и крепко задумался над ним. В чем тут дело? При случае проделал небольшой опыт, проследил, разобрался, понял. И вот когда беда навалилась в

Порт-Артуре, я вспомнил о черноземельском случае и выбрал из двух зол меньшее, — я сознательно пошел на снижение упитанности скота — нам не до жиру, а быть бы живу, — но я знал, что потерь у меня не будет. Так и вышло: все поголовье уцелело полностью. Я и просил специалистов взять этот случай на заметку, — в степных условиях мало ли кому может пригодиться!

В ту трудную пору, когда Николай Реус боролся за спасение скота в Казахстане, а дочь его Раиса вела колонну тракторов на Баскунчак, немцы объявили совхоз № 107 госхозом — собственностью германской империи.

Они пришли к старому Иосифу Гавриловичу Реусу и заговорили с ним вежливо, даже любезно. Им, немцам, известно, как хорошо, как трудолюбиво выполняла свои обязанности в совхозе семья Реуса, во главе которой стоял Иосиф Гаврилович.

— Вы очень авторитетный человек среди местного населения, Иосиф Реус.

Старик пожал плечами.

— Мы — трудовые люди, исполняем свое дело, как умеем.

— Но вы работали по найму. Теперь же вы можете стать вполне самостоятельным человеком, работать не по найму, а для себя, иметь собственное приличное хозяйство, иметь собственную землю, иметь собственный скот и даже обзавестись собственным промышленным предприятием, например, мельницей, которая размалывала бы зерно для местного населения. Хотите иметь мельницу?

Старик отрицательно покачал головой.

— По животноводству работаем. А муку получаем готовую из центральной усадьбы...

— Но в центральной усадьбе нужно навести порядок. Нужно навести новый порядок на всех фермах и зимовках госхоза. Вы человек, умудренный опытом, трудолюбивый, энергичный, всеми уважаемый. Поэтому немецкая администрация решила назначить вас старостой госхоза. Теперь вы будете местная власть.

— Нет, — сказал старик, — какая с меня власть? Зачем я в чужое дело полезу? Власть у нас тут всем народом избиралась. И выбрал народ председателем поселкового Совета Раису Николаевну Реус, — она мне вакурат внучкой доводится. Девка развитая, грамотная...

Немцы поморщились, забранились на своем языке. Однако решили продолжать мирные переговоры со стариком.

— Ваша внучка эвакуировалась, она уехала вслед за совхозными стадами.

— Со стадами сын пошел, — поправил старик. — А Раиса поехала с тракторной колонной. Большое дело ей доверили, потому что она — председатель Совета. Это во-первых.

А во-вторых, она специалистка: она мотор хорошо знает, и трактор, и комбайн знает как свои пять пальцев. Таких работниц, как наша Раиса, поискать...

— Нам все известно о Раисе Реус, — уже с раздражением говорили немцы. — Нам нужен человек, который бы в новых условиях осуществлял власть. С этой целью мы и при шли к вам. Мы предлагаем вам высокую должность.

— Куда мне на высокую должность, — отмахнулся старик. — Я не справлюсь. А Раиса хорошо справляется, вот вернется она и наведет порядок.

Немцы окончательно потеряли выдержку.

— Вы понимаете, старый человек, что вы говорите? Как это может вернуться ваша внучка Раиса Реус?

— Да ведь не на век же она уехала. Придет время, вернется. Все вернется. Вы к себе домой поедете, у вас там, гляди-ка, свое дело какое-нибудь есть, вот вы там и наводите порядок, а у нас свое дело, свой порядок. Чего же мы будем друг дружке мешать да путать?

Это были уже «крамольные» речи. Старик не стесняясь пророчил немцам их неизбежное поражение и советовал убираться во-свои.

— Дюже вы далеко забрались. Нешто так можно?

Он сидел перед ними на самодельной деревянной скамье, починяя рыжий изношенный сапог. Лица незваных гостей он рассматривал спокойно и независимо, без малейшей робости, будто чувствуя за своими широкими плечами силу, которая заставит врагов уйти туда, откуда они пришли. И, кто знает, может быть, она, эта сила, находится где-нибудь здесь, в непосредственной близости? Степь молчалива, угрюма. Пространства ее необозримы. Никаких войск нехватило, бы, чтобы держать линию обороны в этой глуши. Никаких гарнизонов нехватило бы, чтобы держать в повиновении и покорности этих обитателей мелких и мельчайших населенных степных пунктов.

Степняки понимают это. От зимовки к зимовке, от коша к кошу они держат связи с Кизляром, прячут партизанских разведчиков, проводят огромные гурты скота за «линию фронта», знают, что у немцев на степи нет этой сплошной «линии».

Не потому ли безоружный старик не хочет стать на вытяжку перед представителями немецкой армии, не хочет сотрудничать с ними ни в какой форме?

— Подумайте о нашем предложении, — угрожающе заключили немцы.

— Мне что думать? — отмахнулся старик. — Я у себя дома. Мы свою беду сами как-нибудь обдумаем. А вот вам о своей беде надо думать!..

Старик резал кизяки на скотном дворе, ремонтировал зимние помещения, починял сбрую, приглядывал за кормом, наводил порядок в хозяйстве, — свой, много лет тому назад установленный порядок.

— Вернутся наши, и заживем как жили.

Немцы еще и еще раз пригрозили упрямому старику, однако, не рискуя наказать его, главу семьи, пользующейся исключительным уважением рабочего коллектива.

Немцев разгромили на Тереке. Отступающие части их прижали к Манычам. Убегая, они не успевали хоронить мертвых, и трупы их, пропитанные густой соляной рапой, долго показывали путь, по которому бежали «завоеватели».

Вернулась Раиса с колонной тракторов. Иосиф Гаврилович внимательно присматривался к внучке — крепко переменилась Раиса, посуровела, утратила излишнюю женскую говорливость, научилась быть начальницей. Значит, тяжелое испытание впрок ей пошло.

Позже вернулся Николай Реус. Его удвоенный гурт степенно, неторопливо подходил к водопою. Казалось, будто минувшей зорькой вышел скот на пастбище, а вот теперь возвратился, чтобы передохнуть, подремать часок у водопоя.

Совхоз имел большие потери в результате вражеского нашествия. Имущество и скот, находившиеся под ответственностью семьи Реуса, потерь не имели.

* * *

Большую и добрую славу в совхозе № 107 завоевал старший гуртоправ первой фермы Андрей Фомич Долот, ныне Герой Социалистического Труда. Он пришел в совхоз пять лет тому назад с семьей, численно превосходящей семью Реуса. Его жена Наталья Никифоровна «Мать Героиня», награждена двумя орденами — второй и третьей степени.

В молодости Андрей Долот с оружием в руках активно боролся за Советскую власть в рядах красных партизан и частей Красной Армии. Белые расстреляли его брата, красного партизана, а когда родители украдкой похоронили его тело, — белые засекали стариков насмерть.

Андрей Долот стал во главе большой отцовской семьи и вырастил ее. Он прошел трудный путь нестроевого солдата Отечественной войны, а возвратившись домой в ослабевший колхоз дал согласие на отходничество. Об отходниках в степных селах хлопотали представители совхоза, и зимой 1944 гола многочисленная семья Долота заполнила хату гуртовщика на первой ферме.

— Восьмеро детей, Долот богаче Реуса! — шутили в совхозе.— Долот вполне может организовать цельную бригаду из своей семьи.

Андрей Фомич так и поступил. Познакомившись с работой Реуса, он одобрил его метод и в первый же летний сезон взялся за заготовку кормов для своего гурта. Принятое поголовье он содержал в блестящем состоянии. По сохранению приплода, по привесу гурт Долота занял одно из первых мест в совхозе и, наконец, выравнялся с гуртом самого Николая Реуса.

И тогда на фермах совхоза заговорили.

— Вот что значит большая семья. Если у гуртовщика большая семья, ему нетрудно выйти на первое место.

— Семья! — весело возражает Реус. — А вспомните старое время. Тогда большая семья в крестьянском или батрацком дворе считалась «божеским наказанием». В советское время большая семья — большая радость. Но если у кого из вас маловата семья, увеличьте ее, создайте на производстве дружную семью, которая бы отвечала за честь совхоза так же как отвечаем мы. Вот вам пример: мой друг и ученик Радион Васильевич Ковалев. Семья у него молодая, маленькая, помощников в семье пока нет. А работает он по «методу Реуса». Он сумел подобрать себе бригаду, сумел увлечь ее так, что ковалевцы частенько перекрывают и реусовцев, и долотовцев. Любая бригада, если захочет, может догнать Реуса, Долота, Ковалева.

Герой Социалистического Труда Ковалев подтверждает точку зрения Реуса.

— Каждый может стать Героем, если захочет, чтобы весь наш совхоз стал героическим. А мне этого очень хочется. Я дрался под Керчью, знаю, что значит отстаивать Родину. После ранения я пошел вдоль войны, как боец транспортной части, побывал на четырех фронтах в разных наших республиках. И все смотрел я — сколько страданий, сколько разрушений выпало на нашу долю, сколько работы нам предстоит, — умом не окинешь. А надо сделать всю работу в короткий срок. Вернулся я дамой в совхоз да как накинулся на дело! И чем сильнее напрягаю силы, тем веселее становится на душе и хочется сделать еще вдвое и втрое больше. Само дело увлекает. Сработал — радуешься, а с тобой вместе радуется и руководство совхоза, и Министерство, и само Советское правительство радуется — знает оно, что где-то в степной глуши простой рабочий человек, бывший сирота, бывший батрак, делает хорошее дело, выращивает много мяса и какая же за это слава, какая честь простому человеку!.. Иным не верилось, что мы станем на ноги после войны, а как вышло решение февральского Пленума, все поняли, что станем на ноги и будем в десять раз крепче, чем были.

Николай Реус с радостью слушает своего ученика.

— Азартный он стал после войны. Нагляделся, понял... Нагляделся и я, — побывал в Ставрополе на совещании передовиков животноводства, побывал в Ростове на пленуме союза, поглядел, как рабочие люди восстанавливают города и заводы. И все кажется мне, что они сильнее нас работают. У нас в степи жизнь тише идет, хотя и есть свои достижения и даже слава немалая о нас идет... Слава — это хорошо, она любому человеку приятна и нужна для пользы дела. Надо больше говорить о нашей славе, надо звать к славе других, чтобы им захотелось поработать втрое больше. Мне этого так сильно хочется, будто весь совхоз мой. А он действительно мой. Я уже в своей большой бригаде не различаю, что мы делаем для себя лично, а что для всего государства. И когда мы недосыпаем сотни ночей, мы не думаем о том, выгодно это или не выгодно для нашей семьи — это нужно для всей советской семьи, для всей нашей Родины. Мы наращиваем силу нашей страны, а это, я бы сказал, очень интересно для всего мира. Вот почему работается всласть. Хочется, чтобы перед всем миром наша страна была, как маков цвет.

А первое, чего хочется добиться, — и мы непременно добьемся, — чтобы у каждого трудового человека в нашей стране было на тарелке вдоволь мраморного мяса и других хороших харчей. Газеты пишут, что в некоторых капиталистических странах мечтают, как бы пожрать конинки по «плану Маршалла». У нас другой вкус и план другой — наш пятилетний сталинский план. Мы все принимали участие в его составлении, мы и выполним его, да еще как выполним весь мир удивится.

Степняки внимательно, жадно прислушиваются к жизни расцветающей страны, к событиям международной жизни, горячо оценивают успехи советской дипломатии.

В бригаде Реуса часто задерживается член партии зоотехник Пантелей Ефремович Рыбалко. Он привозит свежие газеты, брошюры, книги. Чтение и собеседование принимают затяжной характер — гуртовщикам до всего есть дело и это любому политическому вопросу они хотят иметь самые ясные представления. Ради хорошей беседы Реус и его помощник всегда готовы пожертвовать немногими часами своего отдыха.

С радостью они встречают представителей агитколлектива, комсомольцев и школьных работников, приезжающих из центральной усадьбы с их живыми, всегда свежими выступлениями. И секретарь партийной организации совхоза Антон Степанович Кравченко с удовлетворением отмечает политический рост разбросанных по степи рабочих гуртовых бригад.

Многие из них внимательно читают устав партии, читают биографию товарища Сталина, чтобы лучше понять, как и почему стала могучей Советская страна.

Гуртовщики с нетерпением ждут Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В довоенное время Николай Иосифович Реус дважды побывал на выставке, любовался ее великолепными павильонами, выписывал в свой блокнот показатели лучших животноводов страны.

— Их много, — вспоминает Николай Иосифович, — да такие, что мне иной раз казалось, что нам с ними трудно тягаться. А потом, когда сравнил материал по породам, по условиям работы совхозов, убедился, что и мы, степняки-ставропольцы, не лыком шиты, и у нас есть что показать на выставке. И мы еще покажем свою силу. Нынче у нас шесть орденосцев да три Героя. На этом мы не помиримся. Есть в нашем коллективе люди, которые уже настигают награжденных, несмотря на трудный год. А что трудный год, так уж трудный...

Встретившись на центральной усадьбе перед торжественным собранием в честь награжденных, гуртовщики переговариваются озабоченно и смотрят в сухое безоблачное небо.

— Жжет и жжет. Уже недобор сорок грамм. Тут нам похвала великая, а у нас недобор.

Реус, Долот, Ковалев и другие прославленные гуртовщики почти в полтора раза перевыполняют план по суточному привесу скота. Но у них имеются свои повышенные планы и против этих планов они недобрали за полугодие около 40 граммов суточного привеса. Воды нехватает.

Реус встает ночью и подсовывает телятам охапки майского ароматного сена.

— Запах у сена такой, что теленок не хочет, а все-таки начинает есть. Так вот хитростью и я заставляю их, ушастых накинуть сорок грамм мяса и жирку в сутки. Не водой, так едой, не мытьем, так катаньем, а мы свое возьмем.

* * *

Профессия гуртовщика, пастуха, по общим представлениям, спокойная, созерцательная профессия. Она приучает людей к жизни неторопливой, раздумчивой. Однако при сдельщине, когда заработок гуртовой бригады зависит от прироста, привеса каждого животного, когда гуртовщик, по методу Реуса, сам заботится о кормах на зиму, сам добывает воду при остром недостатке ее, когда гуртовщик несет ответственность за своевременный отел и сохранение приплода, когда он ведет большое и, так сказать, замкнутое хозяйство, обеспечивающее нормальную жизнь гурта, во все времена года, — при этих условиях гуртовщик в совхозе становится центральной фигурой производственного процесса. В повседневной борьбе за высокую продуктивность скота, за славу совхоза гуртовщики азартно соревнуются между собой, посылают людей друг к другу; перекликаются, сравнивают успехи и уходят с головой в горячий самоотверженный труд, когда забывается личное, когда не остается времени, чтобы учесть множество попутных вспомогательных работ. Неутомимый степняк видит перед собой главное, то, что он обязался дать и дает государству.

Часто гуртовщик самостоятельно, на свой страх и риск, решает очень большие и сложные задачи.

Гурт Родиона Васильевича Ковалева к середине лета оказался в крайне тяжелых условиях. Пруды, расположенные вблизи зимовки, высохли полностью. Вода в колодцах иссякла. Но в тридцати километрах от зимовки сохранился небольшой водоем с солоноватой водой. Гурт следовало перегнать на выпаса, прилегающие к этому водоему. Однако, перегоняя гурт, бригада ушла бы от сенокосов, расположенных вблизи зимовок. Косить сено вдали от зимовки на участках, которые никто не приберегал для сенокосения, а потом возить корм издалека? Или разделить бригаду на две части — косарей оставить вблизи зимовки, а остальным уйти, поделить инвентарь, поделить тягло?..

Дирекция совхоза предоставила решение этого вопроса самому Ковалеву.

— Ковалев — реусовец, он как-нибудь выкрутится.

Реусовец, значит, — гуртовщик, который при любых условиях, добьется наивысшей упитанности гурта и встретит зиму во всеоружии.

Ковалев оставляет гурт вблизи зимовки, вблизи сенокоса. Он берется подвозить воду для гурта бочками. В его распоряжении имеется всего две водовозные бочки. Этого не хватает, но ведь на то Ковалев и реусовец, чтобы выйти из любого затруднительного положения.

Бочку сделать не из чего, купить ее негде. Нет цемента, чтобы сделать водохранилище, емкостью хоть в несколько бочек. Нет бочонка, чтобы иметь маленький запас воды для штата бригады. Подвезли бочку к гурту, выдали по ведру двадцати коровам и бочка надолго уходит за водой.

Трудно поверить, чтобы администрация совхоза не смогла достать полсотни бочек, необходимых на случай аварии, на случай крайней засухи. Совхоз, разумеется, мог бы иметь собственную бондарную мастерскую. Но он ее не имеет.

Совхоз обязан иметь лес для колодезных срубов. Он его не имеет. В кладовой совхоза часто нет запасного ведра, нет клочка веревки, чтобы сделать налыгач для волов.

— Реус обходится, Реус найдет в степи какую-то волокнистую траву и сплетет веревку, сделает налыгач.

Это верно. Реус «все сделает». И Ковалев, и Долот, и Попов «все сделают». Они не посрамят своей производственной чести, они преодолеют любые трудности, выпутаются из любой беды и в

конечном итоге скот их гуртов будет здоров, сыт, упитан, планы по выращиванию мяса будут перевыполнены.

Но и непосвященный человек, наблюдая эту напряженную жизнь степных тружеников, приходит к мысли, что облегчить их труд, безусловно, можно и необходимо. Дирекция совхоза правильно делает, широко пропагандируя метод Реуса, метод неутомимого труда и находчивости.

Реус же с улыбкой поясняет, каков уровень технической вооруженности его бригады.

— Иной раз тряпчочкой завязано, навозцем замазано и кое-как обходишься.

Но ведь для руководства совхоза не велика доблесть, когда оно рекомендует в широком масштабе «тряпчочкой завязывать, навозцем замазывать».

Как не похвалить труд гуртовщика, роющего колодец и добывающего воду вручную, ведром. Но ведь для руководства совхоза безводье нередкий гость, оно явно возрастает год от года.

Сколько же пота надо пролить на самодельных колодцах и может ли совхоз, по природе своей передовое социалистическое хозяйство, придерживаться кустарных, столь изнурительных способов добычи воды?

Всемерно развивая в рабочих творческую инициативу, администрация совхоза несомненно должна бы развить и собственную хозяйственную предприимчивость, — хотя бы в водоснабжении: планировать и строить глубокие полевые колодцы со срубами, строить современные артезианские колодцы — это вполне по плечу большому перспективному хозяйству, с поголовьем в двенадцать тысяч крупного и мелкого скота.

Чем больше будет воды, добытой руководством совхоза, тем меньше пота прольют замечательные труженики животноводства.

Мы побывали на веселом празднике в совхозе № 107. Степняки съехались на центральную усадьбу, приодетые, веселые. Они пили вино, пели песни, танцевали, чествовали своих передовиков-героев, жали руки награжденным, обещали догнать и перегнать их, много говорили о граммах — из чего складывается грамм мяса. В ночь они рассыпались по степи, по своим «точкам», где идет неустанная борьба за граммы, за тонны и эшелоны мяса, выращиваемого для страны.